

док происходит не знаю какая неприятная монотония, как то французы своим стихотворцам сами обличают». Вероятно, весь абзац переведен из итальянского трактата или учебника стиховедения. — «Греки, латины, италианды, ишпанцы, агличане не только в порок то не ставят, но и украшение стихам почитают», — после древних, итальянцы упомянуты на первом месте: очевидно, из их именно практики Кантемир мысленно и исходит. Сердитый запрет переноса Тредьяковским 1735 ассоциируется в его уме с французской теорией, и против сводного противника он снова воздвигает итальянские доводы и итальянские образцы.

Однако в данном случае дело сложнее, чем с вопросом о *sciolti*. Перенос практиковался Кантемиром уже в 1729—1732 гг. и практиковался потому, что здесь Кантемир продолжал давнюю силлабическую традицию:

Чернец тот, что намеднись чрезмерну охоту
Имел ходить в клобуке и всяку работу
К церкви легку сказывал, прося со слезами,
Чтоб с ангельскими в счете был и он чинами,
Сегодня не то поет...

(из V сатиры, в первой ред. 1731 г.)

Буало не одобрил бы таких стихов своего ученика и перелатателя. Но Кантемир исходит из силлабического стиха, каким он сложился за 150-летнюю свою к тому времени историю. Недаром Тредьяковскому перенос представляется в первую очередь «пороком старых польских наших стихов или, лучше, прозаических строчек». Следовательно, в 1742 г., защищая перенос — Кантемир не просто пересаживает итальянское явление на почву русского языка, а модернизирует старую, задолго до него существовавшую практику (включая и свою собственную).

Запрет переноса памятен нам в перспективе борьбы против него французских романтиков. Поэтому невольно он кажется нам, без учета эпохи, реакционным в существе своем, а свобода переноса — всегда и в существе своем прогрессивной. Но это не так. Для русской поэзии 1730—1740-х годов, рациональная регуляризация стиха была как раз линией прогрессивного его развития, разрыва с церковно-феодалной и придворно-московской культурой. Сам по себе, перенос не «реакционен» и не «прогрессивен»; но в условиях эпохи он приобретает ту или иную функцию; для Кантемира 1742 г. она иная, чем для А. Шенье 1787 г.